

УДК 902.6

Ставицкий В.В.¹

**ЗАПАДНЫЙ И ВОСТОЧНЫЙ ИМПУЛЬСЫ В
ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ АНДРЕЕВСКО-ПИСЕРАЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ**

Пензенский государственный университет

Stavitsky V. V.

**THE WESTERN AND EASTERN IMPULSES IN THE FORMATION OF
THE CULTURE OF THE ANDREEVSKY-PISERALSKY POPULATION**

Penza State University

Реферат: *Вопрос о сложении памятников андреевско-писеральского типа является дискуссионным. По мнению автора, главную роль в этом процессе сыграл восточный импульс. Население кара-абызской культуры мигрировало в западное Поволжье вместе с кочевниками лесостепной зоны. Они вступили в контакты с постзарубинецкими племенами, что нашло отражение в элементах костюма и вооружении. Второй этап развития андреевско-писеральских древностей связан с участием их носителей в походах на территорию Северного Причерноморья.*

Ключевые слова: *кара-абызская культура, Андреевский курган, военная миграция, Западное Поволжье, постзарубинецкая культура, античные импорты, маркоманские пряжки, фибулы Avcissa.*

Abstract: *The question about the addition of monuments of Andreevsky-piseralsky type is debatable. According to the author, the main role in this process was played by the East impulse. The population of the Kara-abyz culture migrated*

---

¹ Ставицкий Владимир Вячеславович - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет.

to the west Volga region together with the nomads of the steppe zone. They came into contact with the postzarybinetsky tribes, that is reflected in the elements of costume and weaponry. The second stage of the development of the Andreevsky-piseralsky antiquities is connected with the participation of their carriers in the campaign to the territory of the Northern Black sea.

Keywords: *Gara-abyz culture, Andreevsky barrow, military migration, Western Volga region, postzarybinetsky culture, antique imports, markomansky buckle, brooch Avcissa*

Проблема формирования культуры андреевско-писеральского населения в настоящее время относится к одним из наиболее дискуссионных. Поскольку все основные исследователи, которых волнуют вопросы происхождения данных древностей, до сих пор не могут прийти к единому мнению, что наглядно показало обсуждение этой темы на 1-х Старостинских чтениях, прошедших в октябре 2016 г. в г. Болгар.

Первоначально вопрос о составляющих компонентах данного типа памятников решался вполне однозначно. А.Х. Халиков после раскопок Писеральских

курганов пришел к выводу, что их материалы иллюстрируют процесс единовременного выхода в правобережные районы Среднего Поволжья крупного массива пьяноборских племен, которые позже вступили здесь в контакты с местным населением городецкой культуры. Результаты подобного взаимодействия, по его мнению, нашли отражение в материалах городища Пичке Сарче [19, с.136-137].

Положение изменилось после раскопок П.Д. Степанова Андреевского кургана, в погребальном обряде и инвентаре которого помимо восточного (пьяноборского) и местного (городецкого) компонентов им

были выявлены воинские трофеи и масса оружия, отнесенные исследователем к савромато-сарматской культуре. При этом он считал основным местный городецкий компонент, который воспринял и переработал элементы культуры пьяноборских племен [17, с.46-47].

Участие пьяноборского населения в формирование андреевско-писральских древностей было оспорено В.Ф. Генингом. Им в частности было отмечено, что те артефакты, которые признаются А.Х. Халиковым пьяноборскими (нагрудные бляхи с иглой, прямоугольные и ромбические бляшки, пронизки-полуцилиндрики, «сапожковые» и лапчатые подвески, тонкие проволочные гривны), на территории Прикамья датируются более поздним временем, чем в Писральских курганах. Следовательно, они имеют не пьяноборское происхождение, а местное. Получается, что никакого

массового выхода пьяноборских племен в правобережное Поволжье не было, а скорее наоборот – камские племена испытывали существенное воздействие со стороны своих западных соседей [2, с.192-195].

Совершенно в ином ключе материалы Андреевского кургана были переосмыслены Г.И. Матвеевой, которая подошла к их оценке сквозь призму пшеворско-зарубинецких трансляций на культуру позднегородецкого населения западной части Среднего Поволжья. По её мнению, наряду с преобладанием предметов пьяноборского типа, в погребальном инвентаре андреевских захоронений присутствует ряд вещей западного облика (восьмерковидные пряжки, фибулы *Avcissa*). Данные вещи попали в Поволжье в результате миграции пшеворско-зарубинецкого населения, которое вскоре растворилось в местной финно-угорской (пьяноборско-городецкой) среде [6, с.158-161].

Ю.А. Зеленевым материалы Андреевского кургана были интерпретированы, как результат совместного проникновения в правобережное Поволжье пьяноборских и сарматских племен [4, с.81-84], что предполагало преобладание восточного компонента в формировании андреевских древностей, поскольку вместе данные племена могли прийти только из лесостепного Прикамья.

Новый вектор обсуждению проблемы формирования андреевско-писеральских древностей придало выступление С.Э. Зубова на Степановских чтениях в октябре 1998 г. В частности им было показано, что погребальная обрядность населения Андреевского кургана по ряду параметров отличается от сарматских традиций, и вместе с тем находит ряд параллелей в захоронениях Кипчаковского курганно-грунтового могильника, который, по его мнению, был оставлен смешанным населением

пьяноборской и саргатской культур. Появление Андреевского кургана он связал с малой миграцией саргатского (зауральского) населения, которое достаточно быстро растворилось в местной среде [5, с. 46-48].

Реальность миграции населения саргатской культуры на территорию Западного Поволжья была подвергнута сомнению со стороны Г.И. Матвеевой, которая отметила отсутствие типичных зауральских вещей в погребениях Андреевского кургана. По её мнению, если зауральское влияние имело место, то оно носило опосредованный характер, а его трансляция осуществлялась племенами гафурийской культуры. На основе сравнительного анализа погребальных традиций сарматского и андреевского населения Г.И. Матвеева пришла к выводу, о наличии между ними кардинальных отличий. При этом ею было отмечено, что погребальная обрядность впускных захоронений Андреевского кургана

наиболее близка пьяноборским традициям. Погребальному инвентарю грунтовых захоронений Г.И. Матвеевой были найдены близкие аналогии в материалах латенизированных культур. Кроме фибул и восьмеркообразных пряжек к западным импортам были отнесены: двулезвийные и однолезвийные мечи, копья с ребристым листовидным пером, двушипные наконечники дротиков и стрел, два железных наральника и др. [7, с. 287-291].

Проблема присутствия западного компонента в культуре Андреевского кургана была рассмотрена автором данного исследования в специальной статье. При этом было отмечено наличие ряда близких параллелей, как в инвентаре, так и в погребальной обрядности андреевского населения в материалах Вязовского и Ново-Никольского могильников Верхнего Дона, которые, по мнению их исследователя А.П. Медведева, были оставлены племенами, сохранившими в своей

культуре ряд местных позднескифских традиций [8]. Также в статье был рассмотрен широкий круг аналогий предметам Андреевского кургана, имеющим западное происхождение, появление которых было увязано не с влиянием пшеворско-зарубинецкого населения, а с военной активностью носителей андреевско-писеральских традиций [14]. При этом вопросы происхождения ряда вещей остались открытыми, что явилось одной из причин повторного обращения автора к данной теме.

Наличие ряда аналогов андреевским материалам в могильниках Верхнего Дона было переосмыслено Н.С. Мясниковым в своем диссертационном исследовании, где он пришел к выводу, что одним из основных компонентов сложения культуры андреевско-писеральского населения явились традиции «позднескифских» племен Донского бассейна, носители которых вступили во

взаимодействие с местным населением Сурско-Свияжского междуречья [9].

Прежде, чем дать оценку степени воздействия западного и восточного импульсов на формирование андреевско-писеральских древностей, необходимо определиться какую роль в этом процессе сыграло местное население, которому часть исследователей придает решающее значение. По мнению Н.С. Мясникова, автохтонным населением в районе формирования андреевско-писеральских древностей могли являться носители культуры Чурачикского могильника [9], другие – отводят данную роль позднегородецкому населению [4; 6; 17; 19], либо отмечают, что такое население было, но не определяют его культурной принадлежности [5].

Следует отметить, что так называемый местный городецкий компонент исследователями фиксировался по наличию на городище Пичке-Сорче и в

захоронениях Андреевского кургана плоскодонной посуды. Городецкая принадлежность этой керамики аргументировалась заключением, что в силу своей плоскодонности она не может принадлежать пьяноборскому населению, которое изготавливало круглодонную посуду, следовательно, эта керамика могла быть только местной – городецкой. При этом ими игнорировался факт отсутствия на андреевской керамике типичного для городецкой культуры рогожного орнамента. Кроме того, как показало картографирование городецких памятников Сурско-Свияжского бассейна, городецкое население в районах формирования андреевско-писеральских памятников было крайне малочисленным, либо отсутствовало вовсе. Причем те памятники, где городецкая керамика с рогожным орнаментом встречается, датируются более ранним временем V – III вв. до н. э. [9; 16]. К тому же, для городецкой

керамики характерны высокие пропорции сосудов при преобладании баночных форм, а керамика городище Пичке-Сарче и Андреевского кургана представлена горшковидными и мисковидными формами, исключительно низких пропорций [15]. Таким образом, городищское население никоим образом не могло принять участия в формировании материальной культуры андреевско-писеральского населения. Тем более, не фиксируется городищского влияния на погребальную обрядность, поскольку, судя по отсутствию городищских могильников, похоронная обрядность данного населения не предполагала закапывания умерших в землю.

Предположение Н.С. Мясникова о возможном участии в сложении андреевско-писеральских традиций местного среднеананьинского населения, носителей культуры Чурачикского могильника, более вероятно.

Поскольку в материалах Андреевского и Писеральского курганов фиксируется ряд вещей, которые не имеют ни прототипов, ни аналогов за пределами Сурско-Свияжского междуречья. Кроме того, следует признать и правоту В.Ф. Генинга на тот счет, что ряд артефактов появляется в андреевско-писеральских древностях раньше, чем у населения пьяноборской (чегандинской) культуры. Однако хронология Чурачикского могильника, погребения которого датируются IV – III вв. до н. э., предполагает, что его носители его традиций не были прямыми предками андреевско-писеральских племен.

На наш взгляд, наличие ряда достаточно близких аналогий в андреевско-писеральских материалах с пьяноборскими памятниками лесного Прикамья, объясняется не прямым воздействием андреевского населения на своих северных соседей, а наличием общей

подосновы у древностей этих регионов. Такой подосновой, видимо, являются традиции кара-бызской культуры, носители которых в первых веках нашей эры вынуждены были мигрировать. Одна часть кара-бызских племен попала на территорию лесного Прикамья, другая – вместе с инициаторами этой миграции, носителями курганной кочевнической культуры, оказалась в западной части лесостепного Поволжья [13].

Наиболее сложен вопрос об этнокультурной принадлежности представителей кочевнической культуры. В совместном докладе на 1-х Старостинских чтениях Н.С. Мясниковым и Д.Г. Бутовым вновь был поднят вопрос о наличии ряда близких аналогий материалам Андреевского кургана в погребальной обрядности «позднескифских» памятников Подонья, в которых им и видятся истоки андреевско-писеральских традиций. Однако «позднескифские» материалы

Ново-Никольского могильника относятся к более позднему времени и, скорее всего, иллюстрируют процесс распространения андреевско-писеральских традиций в западном направлении. В пользу того, что донское население не принимало непосредственного участия на ранних стадиях культурогенеза андреевско-писеральских древностей, свидетельствует отсутствие как донских, так и верхнеокских форм керамики на сурско-свияжских памятниках I – II века н. э. Для «позднескифской» керамики характерны высокие пропорции сосудов, а для андреевских – почти исключительно приземистые [12]. Гипотезе происхождения андреевско-писеральских памятников на «позднескифской» основе противоречат и данные лингвистики, поскольку итогом развития андреевских древностей явилось сложение культуры волжских финнов. По-видимому, только использование

лингвистических данных в конечном случае позволит получить ответ на вопрос: какова была степень участия саргатского (угроязычного) населения в сложении финноязычных племен Сурско-Окского междуречья. Пока же нам наиболее обоснованной представляется точка зрения Г.И. Матвеевой, об опосредованной роли зауральского населения в данном процессе [7].

Отмеченное Н.С. Мясниковым и Д.Г. Бугровым сходство в погребальных традициях «позднескифского» и андреевского населения, видимо, все же имеет не донские, а сурско-свияжские корни. В этом случае, присутствие западных артефактов на андреевско-писеральских памятниках объясняется циркуляцией данных импортов в северной части лесостепной зоны, на территории которой андреевское население играло доминирующую роль и, следовательно, могло регулировать их потоки.

Причем следует обратить внимание на неоднородность вещей западного облика в материалах Андреевского кургана, которые до сих пор рассматривались исследователями суммарно. Между тем, фиксируется две волны поступления западных импортов, которые явно имеют разные источники происхождения. К первой волне относятся находки, зафиксированные в подкурганых (грунтовых) погребениях могильника. Это восьмеркообразные пряжки маркоманского типа, двушипные наконечники стрел и такие же наконечники дротиков, крупные кольцевые застежки-сюльгамы, изготовленные, как правило, из железа. Ранее автором допускалась возможность заимствования данных вещей от населения Северного Причерноморья [14]. Однако подобная возможность больше не представляется нам допустимой, поскольку среди импортов первой волны отсутствуют предметы,

причерноморское (античное) происхождение которых наиболее вероятно. Особенно трудно объяснимым данный факт выглядит на фоне широкого распространения античных импортов в поздних, впускных погребениях Андреевского могильника. Здесь в 16,7% мужских и в 25% женских захоронений представлены проволочные гривны со скользящей петлей, и в 31% женских погребений проволочные браслеты с конусовидными шишечками на концах, которые весьма характерны для некрополей Крыма [18]. К бесспорно римским импортам принадлежит италийская чаша котелок галло-римского типа [17]. Сюда же следует отнести и находки фибул *Avcissa*, которые, по мнению А.В. Симоненко, были привнесены в Северное Причерноморье римскими войсками, участвовавшими в военных действиях против Митридата VIII [11, с.21–22].

Если из возможных источников происхождения

импортов первой волны исключить территорию Северного Причерноморья, тогда упомянутый выше набор изделий, скорее всего, был получен из среды постзарубинецких племен. Поскольку именно на памятниках данной культуры весь этот набор встречается в комплексе. Причем именно в зарубинецкой среде железные сюльгамы распространены наиболее широко и здесь они фиксируются раньше всего [10]. Иногда подобные застежки встречаются в сарматских погребениях, но все известные нам случаи подобного нахождения, относятся к постандреевскому времени.

Таким образом, первая волна импортов связана с распространением на памятниках андреевско-писеральского горизонта постзарубинецких традиций. По мнению Г.И. Матвеевой, данный импульс следует связывать с миграцией части зарубинецкого населения на территорию городецкой культуры.

В качестве одного из аргументов, ей приводится острореберная посуда Ахунского городища, которая залегает на данном памятнике вместе с керамикой городецкой культуры [6, с.158-159]. Однако данное утверждение далеко не очевидно. Например, В.В. Гришаков считает данную посуду древнемордовской. Отсутствуют на городище и другие находки, которые можно было бы связать с зарубинецким населением [3]. Кроме того, если указанный импульс имел место, то его распространение, видимо, было ограничено южной частью лесостепной зоны. В подобных ландшафтных условиях в основном фиксируются памятники с зарубинецкими реминисценциями и на территории Самарского Поволжья. Наконец самое важное, что в керамике Андреевского кургана подобные традиции не находят своего отражения. Поэтому появление импортов первой волны, видимо, связано с военной активностью андреевского-

писеральского населения. В пользу подобного предположения свидетельствует высокий уровень его милитаризации, который можно считать беспрецедентным для эпохи рубежа эр. В большинстве мужских погребений Андреевского кургана присутствуют мечи, а в захоронениях вождей - защитные доспехи[17]. Об экспансии андреевско-писеральского населения в западном направлении свидетельствуют также находка клада на Долматовском городище [1]. К результатам подобной экспансии, видимо, следует отнести погребения Ново-Никольского и Вязниковского могильников, в погребальной обрядности которых фиксируется ряд андреевских признаков, и население которых было вооружено по андреевским образцам: мечами и копьями, в том числе и с двушипными наконечниками. Видимо, в ходе данной экспансии, которая в целом имела возвратный характер, андреевско-писеральское население

заимствовало ряд постзарубинецких традиций.

Поступление второй волны импортов следует связывать с участием андреевско-писеральского населения в военных действиях против боспорского царя Митридата VIII, в которых они приняли участие на стороне римских войск в союзе с аорсами. Подробная аргументация данной гипотезы уже излагалась автором ранее [14].

Таким образом, ведущую роль в сложении андреевско-писеральских памятников имел восточный импульс, в результате которого оседлое население левобережного бассейна р. Белой было вовлечено в движение на запад кочевниками лесостепной зоны. Эти кочевники не были сарматами классического облика, но, безусловно, поддерживали с

ними контакты. Не исключено, что они входили в объединение верхних аорсов, о которых есть упоминание у Страбона. Развивая экспансию на запад, они могли инкорпорировать в свой состав отдельные группы постзарубинецкого населения. Вероятно, это группы были мужскими, поскольку следов женской субкультуры в материалах Андреевского кургана не фиксируется. Второй период экспансии связан с территорией Северного Причерноморья. Существенных межкультурных заимствований на его протяжении, видимо, сделано не было. Во всяком случае, большинство из полученных импортов вскоре вышли из употребления, не получив развития в культуре местного населения.

Список литературы

1. Ахмедов И.Р. Комплекс предметов с городища Долматово Старожилковского района Рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. – Рязань: Поверенный, 2003. – С. 128 – 138.
2. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. – Ч. I. – ВАУ. – Вып. 10. – Ижевск-Свердловск, 1970. – 255 с.
3. Гришаков В. В. О времени средневекового слоя Ахунского городища в Верхнем Присурье // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. – АЭМК. – Вып. 23. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. – С. 140 – 154.
4. Зеленева Ю.А. Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории // Этногенез и этническая история марийцев. – АЭМК. – Вып. 14. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1988. – С. 79 – 86.
5. Зубов С.Э. К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. – Саранск, 1998. – С. 44 – 51.
6. Матвеева Г.И. К вопросу об основных компонентах формирования культуры Андреевского кургана // Археология восточноевропейской лесостепи: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию А.Е. Алиховой. – Пенза: ПГПУ, 2003. – С. 286 – 293.
7. Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев: КГУ, 1986. – С. 158 – 171.
8. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. – 220 с.

9. Мясников Н.С. Археологические памятники первой половины I тысячелетия н. э. Сурско-Свияжского междуречья: Автореферат дисс...канд. ист. наук. Ижевск, 2016. – 21с.
10. Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. – Минск, Наука и техника, 1974. – 232 с.
11. Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 268 с.
12. Ставицкий А.В., Ставицкий В.В. Актуальные вопросы изучения археологических памятников начала I тысячелетия н. э. Сурско-Свияжского междуречья // NovaInfo.Ru. 2015. – Т. 2. – № 39. – С. 117 – 122.
13. Ставицкий В.В. Роль камского населения в формировании древней мордвы // Гуманитарные научные исследования. – 2014 г. – № 12 – 1 (40). – С. 14 – 19.
14. Ставицкий В.В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2013. – Т. 27. – № 3. – С. 126 – 141.
15. Ставицкий В.В. Происхождение древнемордовской культуры // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2015. – № 1 (33). – С. 42 – 57.
16. Ставицкий В.В. У истоков этногенеза древней мордвы // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 4. – С. 1 – 13.
17. Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1980. – 108 с.
18. Стоянова А. А. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь – Керчь, 2011. – Вып. 17. – С. 119– 136,

19. Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. / Тр. МАЭ. Т II / Отв. ред. Г.А. Архипов. – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1962. – С. 7 – 187.

Reference

1. Ahmedov I.R. Kompleks predmetov s gorodishha Dolmatovo Starozhi-lovskogorajona Rjazanskoj oblasti // Problemy drevnej i srednevekovoj arheologii Okskogo bassejna. – Rjazan': Poverennyj, 2003. – S. 128 – 138.

2. Gening V.F. Istorija naselenija Udmurtskogo Prikam'ja v p'janoborskujepohu. Chegandinskaja kul'tura III v. do n.je. – II v. n.je. – Ch. I. – VAU. – Vyp. 10. – Izhevsk-Sverdlovsk, 1970. – 255 s.

3. Grishakov V. V. O Vremeni srednevekovogo sloja Ahunskogo gorodishha v Verhnem Prisure // Problemy srednevekovoj arheologii i volzhskihfinnov. – AJeMK. – Vyp. 23. – Joshkar-Ola: MarNII, 1994. – S. 140 – 154.

4. ZeleneevJu.A. Gruntovye mogil'niki volzhskih finnov i nekotorye problem jetnicheskoi istorii // Jetnogenez i jetnicheskaja istorija marijcev. – AJeMK. – Vyp. 14. – Joshkar-Ola: MarNII, 1988. – S. 79 – 86.

5. ZubovS.Je. K problem jetnokul'turnoj interpretacii pamjatnikov andreevsko-piseral'skogo tipa // Issledovanija P.D. Stepanova i jetnokul'turnye process drevnosti i sovremennosti. – Saransk, 1998. – S. 44 – 51.

6. Matveeva G.I. K voprosu ob osnovnyh komponentah formirovanija kul'tury Andreevskogo kurgana // Arheologija vostochno-evropejskoj lesostepi: sb. Materialov Vseros. nauch. konf., posvjashh. 100-letiju A.E. Alihovej. – Penza: PGPU, 2003. – S. 286 – 293.

7. Matveeva G.I. Jetnokul'turnye processy v Srednem Povolzh'e v I tys. n.je. // Kul'tury Vostochnoj Evropy I tysjacheletija. – Kujbyshev: KGU, 1986. – S. 158 – 171.
8. Medvedev A.P. Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ja). – Voronezh: Izd-voVoronezhskogo universiteta, 1990. – 220 s.
9. Mjasnikov N.S. Arheologicheskie pamjatniki pervoj poloviny I tysjacheletija n. je. Sursko-Svijazhskogo mezhdurech'ja: Avtoreferatdiss...kand. ist. nauk. Izhevsk, 2016. – 21s.
10. Pobel' L. D. Slavjanskije drevnosti Belorussii. – Minsk, Nauka i tehnika, 1974. – 232 s.
11. Simonenko A.V. Rimskij import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ja. – SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2011. – 268 s.
12. Stavickij A.V., Stavickij V.V. Aktual'nye voprosy izuchenija arheologicheskikh pamjatnikov nachala I tysjacheletija n. je. Sursko-Svijazhskogo mezhdurech'ja // NovaInfo.Ru. 2015. – T. 2. – № 39. – S. 117 – 122.
13. Stavickij V.V. Rol' kamskogo naselenija v formirovanii drevnej mordvy // Gumanitarnye nauchnye issledovanija. – 2014 g. – № 12 – 1 (40). – S. 14 – 19.
14. Stavickij V.V. Zapadnyj komponent v materialah Andreevskogo kurgana // Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija. – 2013. – T. 27. – № 3. – S. 126 – 141.
15. Stavickij V.V. Proishozhdenie drevnemordovskoj kul'tury // Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija. – 2015. – № 1 (33). – S. 42 – 57.
16. Stavickij V.V. U istokov jetnogeneza drevnej mordvy // Genesis: istoricheskie issledovanija. – 2014. – № 4. – S. 1 – 13.
17. Stepanov P.D. Andreevskij kurgan (k istorii mordovskih plemen na rubezhe nashej jery). – Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980. – 108 s.

18. Stojanova A. A. Grivnyiz pamjatnikov Kryma sarmatskogo vremeni // Materialy po arheologii i jetnografii Tavrii. Simferopol' – Kerch', 2011. – Vyp. 17. – S. 119– 136,

19. Halikov A. H. Ocherki istorii naselenija Marijskogo kraja v jepohu zheleza // Zheleznyj vek Marijskogo kraja. / Tr. MAJe.T II / Otv.red. G.A. Arhipov. – Joshkar-Ola: Marknigoizdat, 1962. – S. 7 – 187.